

A movie poster featuring a woman on the left holding a baby, and a close-up of a man's face on the right. The woman is wearing a light pink, off-the-shoulder dress. The man has dark hair, a beard, and is wearing a dark shirt. The background is a soft, indoor setting with curtains.

МАРГО
ЛАВАНДА

ИЗМЕНА

Я ВСЕ РАВНО ТЕБЯ

Верну

Марго Лаванда

Измена. Я все равно тебя верну

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70378348

SelfPub; 2024

Аннотация

Я стала женой Карима Абашева по принуждению. Жестокий, сложный, богатый мужчина, в которого я влюбилась искренне. Думала, что все изменилось, между нами настоящие отношения. Взаимная любовь. Пока не увидела его в постели другой. Как склеить разбитое сердце? Научиться жить заново, после того как все потеряла. Веру в самого близкого человека. Потерю ребенка. И отпустит ли меня властный олигарх, от которого сбежала без объяснений?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	74
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Марго Лаванда

Измена. Я все равно тебя верну

Глава 1

Кажется, сегодня самый холодный день в этом году. Промозглый, ветреный. Кутаюсь в старенькое пальто, которое совсем не подходит для такой температуры. Почти минус пятнадцать, для нашего южного местечка – немыслимый холод. И в то же время вокруг невероятная красота, скалистый берег покрыт пушистыми белыми шапками снега. Вдалеке высокий кованый забор – самый дорогой особняк на окраине поселка. Туда я и направляюсь, почти выбившись из сил.

Есть более удобная дорога, вымощенная плиткой, но через главные ворота меня не пустила охрана.

– Хозяин никого не желает видеть, отдыхает. Иди отсюда. Запись на прием ведет его помощница. Вот, держи визитку, – максимум, чего я добилась от охранников.

Этот вариант мне не подходит. Я должна пробиться к Кариму Абашеву. Должна, чтобы спасти своего брата.

Эту лазейку возле скалы мне еще полгода назад показали друзья, когда мы гуляли неподалеку. Один из парней пред-

ложил «полюбоваться» на самое богатое имение. Не смогли удержаться от любопытства, хоть и было страшно. Охрана здесь серьезная, шутить не любит.

Сломанные доски на том же месте. Сюда, видимо, никто не заглядывает. Потому что путь преграждают густые заросли малинника и елей. Пробираюсь через них, одежда цепляется, я вся в иголках. Оказываюсь на заднем дворе двухэтажного дома. Это явно не особняк, скорее, хозяйственные постройки.

– Ты кто такая? – окликает женский голос. – А ну стой! – пресекает мою попытку к бегству.

Время позднее, почти стемнело. Я рассчитывала на удачу, но, видимо, зря.

– Репортерша опять? Да что вам нейдет!

Одега просто, на голове платок повязан, серая куртка до колен, варежки, в руках стопка какой-то одежды. Выглядит очень просто, как жительница близлежащей деревни.

– Нет! Я никакого отношения не имею к газетам!

– Тогда кто такая? – хмуро оглядывает меня женщина.

– Помогите мне, пожалуйста, – всхлипываю. – Не нужно звать охрану.

– Так зачем пробралась сюда? Да еще рисковала так, по склону! Шею свернуть захотела? Дурочка. Вот же долбанутые девки пошли. Не понимают, что мужик с такими деньгами, только как на игрушек на вас смотрит. Так нет же, все мечтают. Эх, непутевые.

– Умоляю вас, мне нужно увидеть Карима Исхановича.

– Хм, даже отчество знаешь. Только не говори, что беременна от него, – качает головой, оглядывая мою худую фигуру. Хмурится.

Эту ложь выдавить из себя безумно трудно, но шестым чувством угадываю, что это как раз та причина, за которую можно уцепиться. Тогда женщина поможет. Ее взгляд уже смягчается, становится сочувственным.

Я не говорю ни да ни нет. Кусаю губы. Но и не отрицаю, так что это все равно ложь, которая ударит по карме, в которую безусловно верю.

Неважно. Я готова на все ради спасения Артёма. Он не заслуживает быть в тюрьме! Он там погибнет!

– Ох, ну как же тебя так угораздило, – качает головой женщина. – Ты же не веришь, что хозяин раз и женится? Не из таких он. Я бы, если честно, мужа с таким характером никому не пожелала. Ох, сколько же он девок перепортил.

Меня начинает подташнивать от этих слов. Напоминаю себе, что я не вхожу в число фанаток Карима Абашева, и тут же к щекам приливает жар.

“Лгунья”, – шепчет внутренний голос.

– Я ни на что не рассчитываю. Мне бы только на пару слов... – отвечаю глухо.

Не так представляла себе эту встречу. Мокрая от снега, вспотевшая от крутого подъема в гору, лицо горит, наверняка красное. Мне совсем не хочется так выглядеть перед Аба-

шевым, но ничего не поделаешь.

– Ладно, иди за мной, горе луковое. Благо хозяек нет сейчас в доме, укатили на теплые моря. Что делать, сердце у меня не каменное.

Поверить не могу в свою удачу!

Следую за женщиной по вымощенным дорогой каменной плиткой дорожкам. Заворачиваем за угол, и перед нами предстает внушительное трехэтажное строение, отделанное желтым камнем. Роскошный и неприступный замок, о котором постоянно ходят слухи и сплетни в нашем небогатом поселке.

– Если другие спросят, скажи, что ко мне на собеседование. Валентина меня зовут. Я тут начальница, на кухне. Все на мне касаясь этой темы. Сейчас помощницу ищу, так что ничего не заподозрят. Ну а как к хозяину пройдешь, о моей помощи ни слова, конечно. Скажу, что обманула ты меня, соискательницей на должность прикинулась.

– Конечно, – киваю торопливо. – Спасибо вам огромное.

– Да ну тебя, – отмахивается, всем своим видом показывая, какое имеет на мой счет мнение. Думает, как о полной безнадеге. Но я должна попробовать! Если понадобится, готова и поломойкой тут устроиться. Весь дом выдраить, лишь бы Абашев сменил гнев на милость...

Оказываемся на просторной светлой кухне. Тут очень уютно, умопомрачительно пахнет свежей выпечкой.

– Ты это, знаешь что, давай-ка чаю выпей. А я пока обста-

новку разведая. Выглядишь полумертвой от холода, такая бледная... Посмотрю, разведая, чем босс занят. Дома ли, он может за минуту уехать по делам. Такой резкий. Если спросит кто, ты же поняла что ответить?

– Поняла, киваю.

Милая женщина ставит передо мной большую кружку, наливает ароматный чай. Обхватываю ее замерзшими руками. Прикрываю глаза от наслаждения. Рядом появляется тарелка, наполненная длинными рулетиками, посыпанными сахарной пудрой. Рот наполняется слюной.

– Это бармак, с орехами. Хозяин очень любит.

– Спасибо, но не стоило.

– Попробуй. Может, ждать долго придется.

Проходит минут пятнадцать, а я все еще не сделала даже глотка из кружки. Не могу. Это дом нашего врага, получается. Не могу есть его пищу, принимать дары, пока брат в камере предварительного заключения. Он не заслужил такого! И отправил его туда именно Абашев! Тот самый, который ранее общался с братом очень дружелюбно, помогал галерее, в которой выставляли работы Артёма. Даже купил несколько его картин.

Когда за Артёмом приехали полицейские, я испытала дикий ужас. С ним обращались как с преступником. Подделка произведений искусства, афера с целью обогащения, обман и еще куча других обвинений.

Страх, паника, отчаяние. Наша семья и так настрадалась,

а тут еще такое. Чем мы заслужили? За что?

Сначала было отчаяние, но потом взяла себя в руки. Мо-
ему младшему брату помочь некому, кроме меня. Хозяйка
галереи, очень милая интеллигентная женщина, Ирма, в этой
ситуации самоустранилась. Сказала, что в шоке от поступка
Артёма. Сняла все его картины с продажи. Оставив тем са-
мым нас без денег на адвокатов.

Оставалось только одно. Молить холодного и неприступ-
ного бизнесмена Абашева о пощаде. Наивно? Безумно? Воз-
можно, я действительно сошла с ума. Но другого выхода не
видела.

Глава 2

Мне почему-то очень жарко становится. Снимаю шапку, волосы рассыпаются по плечам. Я наверняка лохматая, пригладиваю как могу волосы руками. Щеки почему-то сильно горят. Примета такая, значит кто-то вспоминает. Брат. Наверное, думает обо мне. Ждет помощи. Ведь больше никому...

– Ты кто такая? Что здесь делаешь?

Оборачиваюсь. На пороге стоит молодая девушка, очень красивая, длинные черные волосы, чуть раскосые глаза. Одетая в розовую рубашку и джинсы. Точно далеко от униформы прислуги. Тогда кто она? Подружка Абашева? По спине от этой мысли пробегает нервная дрожь.

– Добрый вечер. Я пришла к Валентине, – отвечаю вежливо.

– На собеседование? Чего тогда расселась? Работы в доме, думаешь, мало?

– Я жду Валентину.

Не понимаю, чем я так неприятна этой девице. Кто же она? Почему так грубо общается.

Делаю глубокий вдох, собираюсь еще раз повторить то же самое, но меня спасает возвращение кухарки. Она буквально мой ангел хранитель!

– О, вот и ты. Чего тут знакомая твоя расселась?

– А тебе чего, Айгуль? Ты себя хозяйкой что ли возомнила? Интересные дела? Где твоя униформа? Раз хозяйева уехали, значит можно дурака валять?

– Я в город ездила, на собеседование! И вообще, тебя не касаются мои дела!

– Ну да, конечно. Мне и не интересны твои дела! Пусть Разия Маратовна с тобой разбирается! Ты главное к моим гостям не лезь.

– А чего ты своих гостей в чужой дом зовешь?

– Да тебя не спросила!

Девушка вылетает из кухни как пробка из бутылки, а я поеживаюсь.

– Вот ведь заноза в заднице! – сплевывает Валентина.

– Мне очень жаль, что я вам столько неудобств причинила, – вздыхаю.

– Ни при чем ты. Айгуль ужасно наглая. Всего пару месяцев тут, хозяйки с ней как с ребенком нянчатся. Обрадовались, потому что с их села родного приехала. Знакомая Нурии Айдаровны попросила об одолжении, дать работу дочке, пока та не устроится, в университет местный поступать решила. Вообще о столице грезит, но там нет никого из знакомых, побоялась мать отпускать ее туда. По мне и правильно, с таким-то характером. А уж как на хозяина зыркает! Прямо жрет глазами. Тьфу, сразу видно, непутевая. Видимо соперницу в тебе почувствовала.

– Я не...

Не успеваю договорить фразу, что меня не интересует Карим в этом плане. Валентина перебивает.

– Самый момент сейчас, хозяин в своем кабинете. Буквально только что от него друг вышел, один он теперь. Беги, раз поговорить надо. Слыхала что ужинать дома не планирует, уедет опять.

– Правда? Спасибо вам огромное! – вскакиваю.

– Ох, да ты горишь вся. Щеки так и пылают.

– Я согрелась, наверное, поэтому. Спасибо вам за все.

– Идем, покажу дорогу.

Вот я и на пороге кабинета Абашева. В воображении все казалось проще, сейчас же мне до ужаса страшно. Накатывает смущение, переживание как выгляжу. Растрепанная, потная. Почему мне так жарко?

Чувствую себя чуть ли не нищенкой в этом роскошном доме. На самом деле, я голову сломала, когда собиралась сюда. Пыталась решить, что надеть. На свидания в жизни так не собиралась. Хотя, у меня и были то всего пара свиданий. Боялась, что Карим подумает обо мне неправильно. Мысли скакали как блохи. Выбрала в итоге темно-серое прямое платье. Я его недавно купила, простое, но мне показалось очень красивым, стильным.

Мы с братом жили всегда бедно, но в последние годы смогли немного выбраться из нищеты. Как оказалось, сча-

стье не могло быть долгим.

Колени дрожат, когда толкаю дверь, вхожу. Карим сидит за массивным письменным столом, что-то печатает на компьютере. Здесь пахнет богатством, властью. Вздрагиваю, не решаюсь ступить дальше, на светло-серый ковер. Валентина дала мне уютные мягкие домашние тапочки, но даже в них наступить на пушистое великолепие кажется кощунством.

– Здравствуйте, – произношу, набрав воздуха в легкие.

Карим поднимает взгляд на меня. На красивом мужественном лице мелькает удивление.

– Простите, что я без предварительной договоренности.

– Как ты сюда попала?

Пытаюсь понять, злится ли на меня. Конечно, раздражен.

– Это было непросто.

– Конкретнее?

– Я должна была поговорить с вами. Вы же меня помните? – злюсь на себя за то, что это прозвучало с такой надеждой.

Словно я только об этом и мечтала.

– Склерозом не страдаю, – усмехается Абашев. – Ты меня удивила. Софья, не так ли?

– Я пришла умолять вас о пощаде.

– На коленях? – выгибает бровь.

Этих слов не ожидала.

Теряюсь, сбиваюсь с мысли.

– Я умоляю вас пощадить моего брата...

– Интересно, это у вас семейная наглость? – жесткий тон хлещет по щекам, которые начинают пылать сильнее.

Абашев поднимается из своего кресла. Захлопывает крышку ноутбука.

Вздрагиваю, меня охватывает страх, сердце сжимается от дурного предчувствия.

Много раз я проигрывала в голове эту встречу, свои объяснения, аргументы и вот стою в полном ступоре.

Жесткий взгляд Абашева давит все сильнее, так что голова начинает кружиться. Мне всегда было неловко перед ним. Каждую встречу, их было несколько. Для меня этот мужчина всегда был слишком властным, слишком красивым. Сейчас он выглядит как никогда массивным и пугающим. Белая рубашка обтягивает широкие плечи, черные волосы небрежно растрепаны.

– Пожалуй, так и есть. Вы давно пытались урвать у меня кусок побольше. Твое семейство похоже ничем не гнушается. Даже тебя подложить под меня хотели. Жаль тогда я считал твоего брата чуть ли не своим другом. Иначе с удовольствием бы попользовался тобой. Ты для этого пришла?

Мужской взгляд скользит по мне расслабленно, нагло. У меня перехватывает дыхание, хочется поправить волосы, платье, обхватить себя руками, прикрыться. Но я не позволяю себе всего этого, стою прямо. Пусть оскорбляет. Только пусть поможет!

– Мой брат ни в чем не виноват. Его подставили, – произношу едва слышно. – Знаю, вам мое появление кажется ужасной наглостью. Я понимаю. Но и вы поймите. Я не могу поступить иначе. Ему не место в тюрьме! Вы же знаете, как он талантлив. Он все отработает, вернет вам. Как и я. Только дайте шанс, умоляю!

Абашев подходит ко мне. Высокий, тело атлета. Нависает, давит своим физическим превосходством. Чувствую себя песчинкой рядом с ним.

Продолжает внимательно меня разглядывать, при этом его лицо непроницаемо. Невозможно понять, услышал ли он меня, хоть крупицу моей боли. Возможно ли тронуть его душу? Раньше мне казалось, что да.

– Я умоляю вас о пощаде!

– Ты правда считаешь, что я такой идиот что поверю? Думаешь, похлопаешь тут глазками и это все исправит? – произносит хрипло.

– Нет, я же сказала, мы заплатим.

– Твой брат испортил репутацию моей фирмы. Очень сильно. Он мошенник. Я не хочу ничего о нем слышать.

– Он ничего не делал!

– Хочешь взять его вину на себя? Или предложишь что-то интересное? Пожалуй, я бы посмотрел на представление. Как насчет проползти по моему кабинету на коленях? Воз-

можно, тогда я бы убедился в твоём раскаянии? – произносит низким грубым голосом.

Цепенею. Подобной жестокости я точно не ожидала.

Вспыхиваю, чувствую, как щеки горят уже нестерпимо. Кажется, у меня температура. Что за бред несет этот ненормальный?

Но, взглянув в черную огненную бездну глаз, вздрагиваю. Словно под гипнозом, опускаюсь на колени. Меня охватывает чувство полной безнадежности.

– Хм, теперь стало интересно, – произносит Абашев обманчиво мягким тоном.

От паники перехватывает горло. Что же я наделала? Зачем пришла сюда?

– Значит, ты готова на все? – внезапно, жесткие пальцы зарываются в мои волосы, грубо сгребают в их кулак.

– Посмотри на меня, – больно тянет, заставляя поднять голову, посмотреть ему в лицо. – Ты правда решила, что твоя милая мордашка и пухлые губки помогут забыть о паре миллионов долларов? Такого о себе мнения?

Меня душит стыд от его грубых намеков, трясет от страха. Как сильно ненавижу его в эту секунду! Чертов псих! Считает, что ему принадлежит весь мир, если у него есть деньги?

В то же время озвученная сумма пугает до колик в животе.

– Пожалуйста, умоляю вас... не надо... Отпустите!

Вместо этого Карим вдруг резко хватает меня за плечи, ставит на ноги и одновременно расстегивает молнию у меня на спине.

– Хочу рассмотреть товар поближе, – рычит, а меня захлестывает паника. Забываю зачем я здесь, теперь на первом месте только инстинкт самосохранения! Как этот человек смеет так обращаться со мной? Трогать меня, срывать одежду... Он сам уголовник!

И я добровольно явилась в его лапы. В уголках глаз от бессилия выступают слезы. В самом жутком ночном кошмаре не могло привидеться.

– Это нападение, немедленно отпусти меня, мразь! – у меня начинается истерика. – Отпустите... – голос срывается на бессвязный шепот.

Меня колотит от озноба, липкий пот ползет по позвоночнику. Так страшно мне было лишь раз в жизни, когда еще маленькой была, и поняла, что мамы больше нет.

– Да что ты? – насмешливо говорит Абашев. – Насколько неправильно?

– Я не проститутка... Я пришла поговорить...

– Разговорами не решить твою проблему. А вот иной способ расплаты уже не кажется мне неприемлемым.

Глава 3

Каким-то чудом мне удастся отойти от Абашева. Трясущимися руками застегиваю молнию, поправляю платье. Меня продолжает трясти. Как далеко этот человек готов зайти в своем желании отомстить, унижить, растоптать меня? Он просто животное! Нужно как можно скорее покинуть это ужасное место.

Вот только он продолжает преграждать мне дорогу. Выглядит очень злым, раздраженным. Ему явно очень не понравился мой визит. Очень не хочется, чтобы и Валентине досталось.

– Я ухожу, отпустите меня!

– Сначала расскажешь, как сюда попала.

– Сказала же, случайно! Этого больше не повторится. Я поняла, вам чуждо милосердие. Вы это показали более чем наглядно.

Надо как-то уговорить его отойти. Но мысли разбегаются. Невозможно сохранять хладнокровие в такой ситуации?

– Быстро сдаешься. Может не так сильно любишь брата?

– Вам нравится издеваться надо мной??

– Может я все же пойду тебе навстречу.

Жестокий. Подонок.

Удерживает, не применяя физической силы. Получает кайф от манипуляции.

Слежу за ним, опасаясь, что подойдет, но Абашев направляется к подносу, на котором стоят несколько бутылок. Наливает себе виски.

– Составишь компанию? – берет второй бокал. Слежу за уверенными движениями, как наливает янтарный напиток. Крупные ладони, на широком запястье поблескивают массивные часы. Длинные пальцы. О чем я вообще думаю? Стыдливо отвожу взгляд.

– Нет, я не пью.

– Значит, не хочешь помочь брату, – заключает холодно.

Мерзавец! Надо сдержаться, не вступать в перепалку. Он меня скоро отпустит. Я ему не нужна тут. Он красив, богат, за ним бегают толпы женщин. Меня же ему просто приятно унижать.

Больно вспоминать, что еще совсем недавно я была влюблена в Карима. Втрескалась с первого взгляда, когда он приехал в галерею к брату. Однажды даже стала его спутницей на вечер. Правда он почти не замечал меня. Уделял внимание кому угодно, только не мне.

И все равно для меня тот вечер был настоящим балом для Золушки. Я увидела богатых людей, увидела мир совсем иным. Было безумно интересно. Конечно, нетрудно влюбиться в своего спутника, когда он похож на принца. Карим и сейчас очень красив, только повел себя настолько жестоко, что любовь сразу обратилась в ненависть!

Хватаю бокал с подноса, делаю глоток... Внутренности

обжигает жидкий огонь. Закашливаюсь, на глазах выступают слезы. Кашель долгий, мучительный. Голова сильно кружится.

– Жалкий цыпленок, – фыркает Абашев.

Полосую его презрительным взглядом. Он в ответ смотрит на меня странно. Магнетический взгляд буквально поглощает. О да, против него я цыпленок. Перед огромным тигром. Невыносимо тяжелый взгляд, проникает под кожу. Это какое-то безумие. Мне страшно, и в то же время не могу разорвать этот гипноз.

То ли из чувства противоречия, то ли чтобы наказать себя за чувства к этому мужчине, делаю еще глоток виски. Уже проще. Согреваюсь изнутри. Может теперь отстанет? Алкоголь бьет в голову, ноги подкашиваются.

– Мой брат вас уважал, очень. Он никогда бы не подставил, – произношу едва слышно.

Абашев не отвечает. Продолжает давить взглядом. На какую-то секунду мелькает безумная мысль, что он хочет меня поцеловать. Иначе зачем так жадно смотрит на мои губы?

Безумие... Между нами звенящее напряжение, в котором тону, захлебываюсь.

А потом оказываюсь в объятиях Карима. Когда-то я грезила о подобном. Сейчас я в ужасе. Это все равно что попасть в костер. Сильные руки стискивают мою талию. Твердые губы почти касаются моих губ...

Он все же продолжает торг? Мое тело в обмен на свободу

брата? Меня ослепляет ярость.

Ненавижу!

Рука сама поднимается вверх, пощечина выходит оглушительной.

Всхлипываю, из глаз брызжут слезы. О чудо, он не останавливает меня. Его больше интересует виски!

Выскакиваю из кабинета, несусь по коридорам. Меня колотит крупная дрожь, по щекам текут слезы. Не знаю каким чудом мне удастся найти дорогу к выходу. Ничего не сообщаю, видимо сработала зрительная память.

– Подожди, куда ты, стой! – слышу за спиной женский голос, но не останавливаюсь, продолжаю бежать. Я должна покинуть это место! Должна! Иначе с ума сойду.

Никогда себе не прощу, что решилась на этот визит, вбила себе в голову, что смогу договориться с Каримом! Идиотка наивная!

Сломаю голову несусь прямо по снегу. Холод обжигает ступни, но мне наплевать. Лишь бы подальше от этого места и от этого ужасного человека. Как можно быть таким жестоким? Холодный ветер хлещет по щекам, ледяные иголки впиваются в кожу, меня всю знобит, лицо печет, кажется, еще больше.

Крики позади не стихают, а я уже выбилась из сил.

– Була, скорее! Останови ее! Девочка, да что же это такое? Ты куда побежала прямо в тапках? Что с тобой? Стой же, ненормальная! Хоть бы о ребенке подумала!

Меня хватают за руку, приходится остановиться. Впрочем, я и не могу больше бежать, выдохлась.

Перепуганная, растрепанная, в куртке нараспашку, Валентина нагоняет меня, держит крепко за руку. Позади нее крупный мужчина, настоящая гора мускулов, в одной лишь футболке. Хотя по нему не скажешь, что испытывает холод.

– Немедленно пошли в дом, что ты удумала? В тапках и на мороз! Совсем с ума сошла, дурочка эдакая.

– Я... Извините...

– Про ребеночка бы подумала! Быстро в дом!

В голове мутит, на душе скребут кошки, мне так плохо, что я даже не замечаю, что творю. Это какое-то безумие, и я сама как сумасшедшая. Ну кто бегает без обуви по снегу? Надо и правда вернуться в дом, надеть нормальную обувь и убраться отсюда.

– Пойдем, пойдем, – меня тащат обратно, но от очередного приступа головокружения начинаю оседать...

Меня подхватывает, видимо, тот самый здоровяк. Я парю в воздухе, пока не начинаю сопротивляться в панике.

– Поставь уже ее. Вот ведь психическая.

Теперь я снова на ногах, нетвердых и дрожащих. Уже в теплом помещении, но все равно испытываю пронзительный холод. Дрожь не отпускает, голова плывет сильнее. Меня подводят к камину, и я вздрагиваю от приятной волны тепла.

– Ох, да ты вся горишь, садись скорее! Не понимаю я, почему ты на мороз побежала, будто за тобой волки гонятся! –

ворчит Валентина.

Волк. Один. Большой и страшный. Жестокий человек с холодным сердцем.

– Так, пойдём в комнату, – командует Валентина, что заставляет меня очнуться.

– В какую комнату? Я домой пойду, дайте мои сапоги, – бормочу.

– С температурой собралась идти? – ворчит она, прикладывая руку мне ко лбу и качая головой. – Горячая как печка. Домой она собралась. Разве можно тебя так отпустить? Пешком пойдёшь, как пришла? Дурочка, – бормочет раздражённо, но в то же время беззлобно.

– Я не могу, простите, мне домой надо, не хочу вас затруднять...

– Ты меня не затруднишь. Я тебя не отпущу, даже не думай. Мало того, что температура, так ты на ногах не стоишь. Хозяин меня прикончит, если узнает, что ребёнку его навредила вот так, через тебя.

Ребёнок! Мне хочется стонать от бессилия и отчаяния. Ну зачем я эту чушь про беременность сказала? Только все усугубила. Сейчас совершенно нет сил объяснять, что нет никакого ребёночка. Мне срочно надо убраться отсюда как можно дальше!

– Айгуль, не стой в дверях, принеси телефон, врачу позвонить надо.

– Не надо мне никакого врача! – говорю, собрав послед-

ние силы. Горло словно наждачкой трут. Нет, это наихудший вариант, продолжать тут находиться. Я только добавлю себе проблем. Нельзя тут отдыхать и оправляться от температуры, как бы плохо ни было. Надо как-то дать понять Валентине, что я соврала про беременность. Тогда она сама меня вышвырнет. Правда, совсем не хочется портить впечатление о себе. Вот вроде она мне никто, но проявила ко мне участие, как мать, которую я совсем плохо помню.

– Давай все-таки температуру измерим и, если надо, врача вызовем, – суетливо кутает меня в какой-то вязаный длинный кардиган. Помогает удобно устроиться в кресле возле камина.

Обо мне никто и никогда так не заботился. Сердце не может не дрогнуть. Но нельзя здесь задерживаться. Нельзя. Мысли вяло текут в голове, мозг как вареный. Неужели я правда заболела? Рядом какое-то копошение. Валентина уходит и возвращается. Чувствую под мышкой прохладный кончик термометра. Вскоре раздается писк.

– Тридцать восемь и восемь, – оглашает результат и снова качает головой. – Добегалась, детка! Ну разве можно в твоём состоянии так себя не беречь?!

Глава 4

– Что тут происходит? – в комнату вливаются две довольно-таки тучные женщины в темных одеждах. На них платки. Лица строгие и чем-то похожи, будто они сестры. Две пары глаз впираются в меня с острым любопытством. Изучают пристально, внимательно. Вряд ли это прислуга. По их виду, по стати, по поведению. Впрочем, мне так плохо, что совершенно наплевать кто это такие.

– Добрый день, госпожа Гарифа, госпожа Нурия, – суется Валентина. – Ох, извините, за это все недоразумение. Это Софья, бедняжке плохо стало, температура высокая, надо что-то предпринять, доктора вызвать. Софья, это тети Карима Исхановича. Хозяйки этого дома.

Цепенею. Это родственницы Абашева. Я слышала про них. Богатые надменные дамы, любительницы хороших ресторанов и дорогих курортов. О них любят сплетничать в городе. Вырастили Карима, когда его родители погибли.

Мне ужасно неловко в их присутствии. Чувствую себя самозванкой под их цепкими взглядами. Словно два коршуна на меня смотрят. Буквально съеживаюсь, теряясь и не зная, что им сказать. Слипшиеся губы не способны произнести ни звука. Мне стыдно, что я такая неуклюжая, и больная, и бессловесная, но разговор с Абашевым выбил меня из колеи, а потом пробежка по снегу абсолютно ослабила.

– Здравствуйте, – все же считаю нужным сказать, опираюсь на ручки кресла в попытке встать.

Но не выходит. Снова падаю в кресло, вынужденная присутствовать при разговоре обо мне в третьем лице.

– Гостья Карима? Он не предупредил ни о каких гостях, – бурчит одна из теток. Пока я их не различаю. – Мы бы тогда не стали заезжать к Диляре, она еще и на рынок нас с собой потащила. Я без сил совершенно. Валентина, пусть Айгуль сделает нам чай, да побыстрее. Девушке тоже не помешает горячее.

– Да, конечно, сейчас все будет.

Другая вторит ей, недовольно поджимая губы:

– Очень странно, я вот буквально пару часов назад общалась с племянником. Почему не сказал? Знал, что мы вот-вот приедем, мог предупредить. Да и ты, Валентина, впредь будь расторопнее. Знаешь, что я люблю быть в курсе. Где сейчас Карим? Врача уже вызвали?

Валентина быстро отчитывается, но не успевает договорить до конца, как одна из теток, та, что повыше, поднимает руку.

– Ладно, сходите за моим племянником, а я пока познакомлюсь с его гостьей. Добрый день еще раз, меня Нурия Айдаровна зовут, а это моя сестра Гарифа. Карим нам ничего не говорил о вас. Что случилось? Вам нехорошо, милая? Валентина, у девушки ноги промокли! Немедленно принеси другие тапки! Что случилось?

Тетушки опускаются на диван, начинают засыпать вопросами. Причем спрашивают они что-то у меня, тут же переговариваются друг с другом, потом снова возвращаются ко мне. Ощущение, что они как вышли с рынка, где, наверное, бойко торговались за товары, так там и остались мысленно. Для моей чугунной головы самое настоящее испытание.

И это я еще молчу о том, как жутко волнуюсь оттого, что встретила с родными Абашева. Мало мне его самого было. Я совершенно не знаю, чего ждать. Чувствую себя наглой самозванкой!

Что сделает Карим, когда увидит меня здесь?

– Не надо тапки, спасибо вам за заботу, но я все же пойду, – делаю очередную попытку встать, но Нурия Айдаровна придавливает меня своим взглядом к месту, давая понять, что я сделаю так, как она скажет.

Это не обсуждается.

Суровая женщина, хоть и назвала меня милой и побеспокоилась о новой сухой обуви для меня. Пока собираюсь с мыслями, Валентина возвращается с сухими тапочками. Они темно-бордовые, с узкими носами и украшены золотистой тесьмой и вышивкой. Не тапки, а нарядная обувь для наложницы султана.

Видимо, мысли мои совсем помутились от высокой температуры, раз я о такой ерунде думаю. Просто атмосфера дома сама по себе навеивает подобные сравнения.

– Врач скоро приедет, минут через тридцать, – сообщает

Валентина, глядя на своих хозяек в ожидании вопросов или новых приказов.

Нурия Айдаровна поджимает губы и отмахивается от нее, как от назойливой мухи, подсаживается ко мне, в то время как ее сестра смотрит с подозрением. Под их бдительными взорами переодеваю тапки. Руки еле шевелятся. Измотанная таким простым действием, откидываюсь на спинку кресла.

– Ты не боишься заразиться, Нурия? – ворчит Гарифа. – Сейчас столько разных инфекций ходит. Давай врача дождемся, чтобы он диагноз поставил. Сказал, что с этой девушкой происходит.

– Я еще не так стара, чтобы подхватывать любую инфекцию и сразу отдавать концы, и вообще, невежливо так говорить, – с фырканьем парирует та и поворачивается ко мне, – извини, Софья. Лучше скажи, зачем же ты в гости пошла, если себя плохо чувствуешь? Как тебя родители отпустили?

Понимаю, что она делает: пытается выяснить мою подноготную. И возраст.

– У меня только отец, брат сейчас... – спотыкаюсь, стесняясь того, где находится мой брат. – В отъезде.

– В отъезде? А чем он занимается?

– Он художник, – говорю как есть.

Лицо Нурии Айдаровны озаряется улыбкой.

– А-а-а, ясно, так, значит, твой брат – подопечный нашего племянника? Видишь, Гарифа, все понятно, Карим наверняка опекает этого молодого человека. Мальчик обожает ис-

кусство! Ты тоже рисуешь, Софья?

– Совсем немного...

– Ну-ну, – хлопает меня по руке, – стесняться не надо. Обязательно покажешь нам свои картины. Я тоже люблю искусство, занимаюсь вышивкой, а Гарифа увлекается икебаной. Что, Айгуль? Тебе что-то надо? – замечает она недовольную девушку, стоящую у нас над душой с подносом в руках. – Не видишь, мы беседуем с гостьей Карима? Она и ее брат – художники. Устраивают выставки и знамениты даже за границей! – говорит она то, что совсем сбивает меня с толку.

Она бредит или я это сказала? Разве я так говорила? Морщу лоб, сталкиваясь взглядом с Айгуль. Та с кислой миной стискивает зубы. Не надо быть физиономистом, чтобы догадаться, как она ко мне относится. Будь ее воля, меня бы тут уже и след простыл.

– Меня за чаем послали, вот я и принесла, – цедит, словно с силой и злостью выталкивая из себя эту фразу. Пальцы крепко сжимают края серебряного подноса.

Чем я ей насолила? Смотрит так, словно не за чаем ходила, а делала самую грязную работу по дому по моей вине. Ставит поднос на низкий прямоугольный столик, расположенный рядом с креслами, начинает аккуратно разливать его по чашкам. Подмечаю, что Гарифа Айдаровна одобрительно кивает, наблюдая за тем, как девушка возится с посудой и заварочным чайником. Видно, что она довольна ею. А вот

вторая тетка не особо удостаивает Айгуль своим вниманием.

Невольно подмечаю и фиксирую для себя расклад сил в этом доме.

Айгуль пользуется расположением Гарифы Айдаровны, тогда как Нурия Айдаровна относится к ней снисходительно. И обе они обожают собственного племянника и очень даже не прочь влезть в любые аспекты его жизни.

– Давайте пить чай, – садится Гарифа Айдаровна рядом со столиком на диванчик с изогнутыми ножками и обивкой из золотой парчи. – Айгуль, спасибо, дорогая. Садись с нами. Айгуль у нас тоже умница, с детства умеет и хозяйство вести, и этикету обучена, и готовить умеет. А как поет. У нее дивный голос.

Взяв кружку в руки, делаю маленький глоток ароматного чая, с удивлением взирая на тетушку Карима. У нас тут что, негласное соревнование? Такое ощущение, что меня сравнивают с этой Айгуль, чьи глаза готовы прожечь во мне дыру.

Чувство неловкости сковывает меня по рукам и ногам, и я даже готова снова увидеть Абашева, чтобы он прогнал меня отсюда, чем сидеть здесь больной и изображать вежливость.

Сердце уходит в пятки, когда хлопает дверь...

Глава 5

– Что здесь происходит?

От грубого голоса душа уходит в пятки. Вот идиотка, дождалась грома и молний на свою голову! Представляю, что сейчас будет! Конечно же, Абашев будет в бешенстве!

Горло сжимается, пытаюсь выдавить извинения перед хозяйками дома, но не выходит. Рукой хватаюсь за шею, вскакиваю и падаю на диван, потому что резко темнеет перед глазами.

Шум, крики, меня зовут, но это доносится как издали, сквозь тягучую пелену.

– Софья! Ты меня слышишь? Несите ее в гостевую!

Дальше тьма окончательно поглощает меня.

Открываю глаза и сначала не понимаю, где нахожусь. Большая комната, огромные окна почти от пола. Их заливают солнечный свет.

Я лежу на широкой постели, белоснежное белье, теплое одеяло. Я полностью обнаженная! Ни клочка белья!

Подскакиваю резко, прижимаю к себе одеяло, до самого подбородка. Что произошло? Неужели Абашев воспользовался моей беспомощностью? Подонок! Мерзавец!

Сама виновата – бьет пощечиной следующая мысль.

Надо было бежать как можно дальше, не останавливаясь.

Вместо этого я сидела в его гостиной и отвечала на вопро-

сы чужих женщин.

На что надеялась? Знала ведь, что это дом врага! Самое паршивое – не отрицала что я гостья, а не проникшая без спроса нарушительница спокойствия. Конечно же теперь те-тушки в курсе, представляю, что думают обо мне!

Надо бежать, срочно, но где моя одежда?

Беспомощно оглядываюсь по сторонам.

Дверь открывается, и я испуганно дергаюсь.

– Софья, дорогая, ты проснулась? – в комнату входит Валентина с дымящейся пиалой в руках. – Ты нас так напугала, милая! – останавливается она около кровати и смотрит сочувственно.

– Что произошло? Почему я здесь? Мне очень надо домой, принесите мою одежду, умоляю!

– Детка не нужно так кричать, нельзя тебе. О малыше подумай.

– Нет никакого малыша, – со стоном признаюсь и взрываюсь истерикой: – Хватит уже, с меня достаточно! Мне необходимо уехать из этого жуткого места!

– Успокойся дорогая, да что я такого сказала! Не надо так нервничать, деточка. Никакое это место не жуткое. Ты в безопасности тут.

– Нет! Это не так! Отдайте мои вещи, пожалуйста. Я хочу уйти.

– Да куда ты пойдешь? На ногах же не стоишь. Температура, поди, не спала. Вчера у тебя жар был сильный, доктор

велел снять всё, одежда мокрая насквозь была. Тебе дали лекарство, ты всю ночь потела. Ангина у тебя, но врач сказал быстро вылечим, на ноги поставим.

– Кто меня раздел?! – смотрю на женщину в ужасе.

– Я, милая, да кто же еще? – Ее удивлению нет предела.

От облегчения я готова умереть. Не пережила бы, ответь она, что меня раздевал Абашев. Ведь он же был в гостиной, я видела. Присутствовал при моем обмороке.

– Карим... Что он сказал, когда меня увидел?

– Да ничего, – пожимает Валентина плечами, – не успел ничего сказать. Тебе плохо стало, все вокруг тебя суетились.

– Он будет злиться, что я в его доме, – понуро опускаю взгляд и бормочу себе под нос.

– Не говори глупости, – говорит она мягко. – Понимаю, у вас сложности, но ты хозяйина прямо монстром каким-то видишь. Он тоже переживал за тебя, поверь. Никуда тебя не отпустят, пока не поправишься.

– Мне здесь не место! Как вы не понимаете?

– Ну что ты заладила? – качает головой. – Давай лучше покушаем? Я куриный бульон принесла. Обязательно надо поесть. Сил наберешься, быстрее поправишься.

Спорить с этой женщиной невыносимо! Причитает, советует, увещевает. Приходится поесть, сначала через силу, потом наслаждаюсь вкусом. В горле будто наждачка, от теплой ароматной жидкости становится легче. Немного. Я на самом деле разболелась, соплю ручьем, голова ватная. Хуже не при-

думаешь. В самый неподходящий момент, когда должна беспокоиться о брате, бороться за него! Об отце я не переживаю. Он сам себе найдет и занятия, и развлечения, нет ему никакого дела до нас. Скорее всего, он даже не заметил моего отсутствия.

Что будет с Артёмом? Если он заболеет, кто о нем позаботится? Будет лежать в лазарете СИЗО, и то в лучшем случае. Я нисколько не продвинулась в деле спасения брата, валяюсь в постели беспомощной медузой, еще и наговорила о себе всякого.

– Вы меня простите, что про ребенка сказала. Я просто хотела попасть к вашему хозяину на разговор.

Оправдание моей лжи слабое, но другого у меня нет. Жалобно улыбаюсь, глядя в добрые глаза Валентины, кормящей меня сейчас в ложечки.

Судя по ее улыбке, бесполезно признаваться, упрямица ни капли мне не верит.

– Дорогая, всякое бывает. Кто я такая, чтобы судить? Я же вижу, какой ты человек. Хороший. Точно нет у тебя камня за пазухой, меркантильных интересов. Если хочешь, расскажи мне, что случилось, детка. Вдруг я помогу.

– Вы поможете, если принесете одежду и скажете своему хозяину, что я хочу с ним поговорить. Я не могу здесь просто лежать, понимаете? У меня очень важные дела, они не терпят отлагательств. Мне правда лучше. Суп очень вкусный, спасибо вам огромное. Я обязательно верну все что на меня

потратили. За лекарства. Большое вам спасибо за заботу, но мне правда надо уйти.

– Поспи, милая, у тебя все еще температура. Станет полегче, конечно поедешь куда захочешь, никто насильно держать не станет. И Карим зайдет тебя проведать обязательно, сейчас нет его, по делам уехал. Скоро привезут пижаму, Айгуль в магазин отправили, купить необходимое. Твоя одежда постирана, но в ней в постели разве удобно лежать? Ты потерпи уж немного.

Чувствую себя абсолютно беспомощной, от заботы и доброго отношения на душе еще паршивее. Глаза слипаются. Не могу сопротивляться сну, веки сами собой слипаются.

До сих пор не могу до конца поверить, что оказалась в подобной ситуации! Пробралась в дом к врагу, чтобы помочь брату, и в результате бессовестно пользуюсь его гостеприимством. При том что не хочу от него ничего! Ненавижу за жестокий прием, грубость. Никто и никогда не был со мной так жесток как Абашев в тот день. Фактически намекал что я могу заплатить ему лишь собственным телом.

Я ведь была в него влюблена. Однажды, он приехал в галерею к моему брату. У них с Артемом были общие дела. Брат спросил, могу ли я сопровождать Карима на прием, в качестве его спутницы. Для меня тот вечер стал незабываемым. Как тот самый первый бал для Золушки, где она встретила своего принца. Для меня этим принцем стал Карим Абашев. Невозможно красивый, статный, обходительный. Тогда

он вел себя предельно вежливо. Я как раз сшила себе платье, для приемов в галерее, куда устроилась работать. Чувствовала себя принцессой. Сердечко замирало от каждого взгляда моего спутника.

Как может все перемениться. Кто же подставил моего брата? Кто сыграл с нами столь жестокую шутку? Теперь Артем в тюрьме, а я вместо того чтобы стараться его вытащить, валяюсь в доме Абашева с температурой. Дни слились в один. Благо Карима я не вижу. Только его тетушек, и то редко они заглядывают навестить меня. В основном вокруг меня хлопочет Валентина. Заставляет кушать бульон, развлекает разговорами.

Мне привезли много всяких вещей. Для личной гигиены. Одежду – только очень специфическую. Явно я не нравлюсь той, которая все это покупала.

Мало того, что модели явно не молодежные, мягко говоря, они еще и на три размера больше. Пижама болтается, в штаны можно завернуться дважды. Конечно же я не стала жаловаться Валентине. Попросила нитку с иголкой и кое-как подшила пояс, чтобы не спадали с меня.

– Отлично, идешь на поправку, – радуется словами доктор, навестивший следующим утром.

– Спасибо огромное! Меня отпустят? – судя по взгляду врача, моя радость его немного удивляет.

– Это же не больница. Я лишь ставлю диагноз, а как там дальше у вас с Каримом, не мое дело, – отвечает немного

сумбурно.

– У меня никак! Я домой очень хочу. Вы можете сказать ему об этом?

– Разумеется, девушка, я все ему скажу. Мне кажется стоит быть чуточку благодарнее за помощь. Но это не мое дело.

– Да, вы правы. Я вам очень благодарна, извините меня.

Конечно окружающие не понимают моего отношения к хозяину дома. Валентина тоже раздражается. Она твердо уверена, что у меня с ее хозяином близкие отношения. И в ребенка несуществующего продолжает верить, что бы я ни говорила. Я даже предложила ей тест мне купить! Но даже тогда женщина отмахнулась. Вот уж воистину, мы верим только в то, во что хотим. Не больше и не меньше. Никому не нужна моя правда...

Самое ужасное, что я чувствую – теткам Карима вездесущая Валентина тоже успела сообщить про ребеночка. Те постоянно заглядывают проведать меня, расспрашивают о моей семье, очень дотошно. Я же жду неминуемой расплаты. Когда гнев Абашева падет на мою голову. Он явно ждет, когда поправлюсь, ведь какой интерес такому зверю добивать лежачего? Нет, он хочет полноценно насладиться мстостью.

А я пытаюсь собраться с силами, чтобы принять неминуемую расплату.

Глава 6

Неделю спустя

– Мне кажется, или новая одежда сидит немного странно? – озадаченно смотрит на меня Нурия, обращаясь то ли ко мне, то ли к своей сестре.

– Да, пожалуй. Совсем не к лицу, – кивает Гарифа.

– Неужели ты так сильно похудела, дорогая? – хмурится Нурия, разглядывая меня еще более пристально.

– Да нет, просто эта одежда мне не по размеру, – вздыхаю.

Я пыталась выпросить у Валентины свое старое платье, но та сказала, что не могут найти, видимо, выбросили. Так что, волей-неволей пришлось надевать чужое, то бишь специально для меня купленное. Всё, что мне принесли, было новым, с этикетками, но по размеру больше тетушкам подошло бы, чем мне. Может, это такая экономия? Типа потом себе заберут? Судя по роскошному дому, в эту версию верилось слабо. Скорее, у тетушек очень слабый глазомер, или у того, кто делал эти покупки. Конкретно я не спрашивала кто покупал эти вещи, было неловко. Почти неделю я провела в гостеприимном доме, где меня лечили, кормили, ухаживали. Карима видела лишь дважды, мельком. Он меня едва замечал, бросал взгляд вскользь, если пересекались в гостиной, куда вечерами меня вытаскивали на чаепитие тетушки. Остальное время я проводила в комнате для гостей. Слава

богу, туда Карим ни разу не зашел.

– Ничего страшного, значит, будет повод еще раз прогуляться по магазинам, – заключает вечно доброжелательная Нурия.

Обе тетушки очень добры и любезны, но Гарифа немного острее на язык. Нурия же всегда излучает хорошее настроение. К ней невозможно не проникнуться. Чувствую, что не очень нравлюсь Гарифе, в то же время Нурия ко мне очень добра.

– Я вам обеим ужасно благодарна, огромное спасибо за вашу заботу! – восклицаю искренне. – Просто не представляю, что бы со мной было без вас. Честное слово! Но, пожалуйста, не нужно больше никаких покупок для меня. Мне надо домой, – выпаливаю со всей искренностью и настойчивостью. Я уже не раз пыталась заговоривать на эту тему и всякий раз меня с нее мягко уводили, увещевая потерпеть и долечиться.

– Дорогая, конечно, – восклицает Нурия. – Карим отвезет тебя, как только вернется.

– Может быть, его не беспокоить? – смотрю на нее умоляюще, нервно вздрогнув.

– Почему ты так стараешься его избегать? – укоризненно качает головой Нурия.

– И правда. Все время как от чумы шарахаешься, – сужает глаза Гарифа. – Почему не хочешь поговорить с Каримом, выяснить недопонимания?

Они правы, я трусиха. Давно нужно было со всеми объясниться. Расставить точки над «і», чтобы больше не было вопросов, а я всё время мямлила, так что толком никто не слушал.

– Мне очень нужно, отца проведать, посмотреть как дома.

Язык не поворачивается что и к брату поехать надо. В тюрьму. Представляю, какой шквал вопросов вызовет мое признание. И что я скажу? Что в этом вина их обожаемого племянника? Они меня распнут.

– Хорошо, дорогая. Если тебе так нужно. Конечно, понятно, что за отца волнуешься, сочувственно смотрит на меня Нурия.

– Карим говорил, что у тебя отец выпивает, – ехидно замечает Гарифа.

– Ну зачем ты так? – укоряет сестру Нурия. – Конечно, девочке надо навестить родителя. Что плохого в том, что хочет домой съездить? Карим занят, уехал на пару дней, вечером сегодня вернется. Наш водитель, Була, может тебя отвезти, дорогая. Сейчас ему скажу.

– Спасибо вам огромное! – испытываю бесконечное облегчение.

Я не то чтобы чувствовала себя пленницей, но всё же, довольно беспомощной. Конечно, понимаю, что с Каримом всё равно придется объясниться. Наверное, даже поблагодарить его, что столько в его доме было заботы. Потом обязательно нужно вернуть деньги за лекарства, которые на меня потра-

тили.

Водитель Абашевых, Була – колоритный, высокий, очень коренастый, и весьма пугающий, если уж быть до конца откровенной. Из тех мужчин, кого сравнивают со шкафом. Внушает оторопь своим мрачным видом и замкнутостью, ни слова лишнего. Впрочем, я тоже болтать не намерена. Главное, что меня отпустили. Чувствую себя птицей, выпорхнувшей из клетки на свободу.

Дом встречает меня тишиной и жутким бардаком. Отец спит в отключке. Пьяное тело вызывает омерзение. Становится противно, до чего он себя довел. И если бы были оправдания, я бы еще поняла. Если бы он страдал по умершей жене и вот так заливал скорбь алкоголем, но нет, у отца просто такое пристрастие. Он любит себя, любит потворствовать своим желаниям.

Хочет – и пьет. Кто ему запретит? Точно не я. Никто ему не может запретить злоупотреблять. Даже брат с ним справиться не мог, так что куда уже мне пытаться? Я давно оставила бесполезные попытки перевоспитать взрослого человека.

Первым делом начинаю прибираться в квартире. Везде разбросаны бутылки, окурки, пролито что-то сладкое и неприятно пахнущее, идешь по полу и прилипаешь ногами. Вся кухня загажена, в обедках, на плите киснет суп, который еще я готовила. Уму непостижимо, как можно превратить все в такой свинарник, но в этом весь отец.

Зажимаю нос рукой, чтобы не вдыхать вонь. Собираю по всему дому мусор, целых три больших мусорных пакета в итоге набираю. Мою пол везде, несколько раз меняю воду в ведре. Когда добираюсь до кухни, силы начинают покидать, но я хочу завершить начатое, иначе брезгливо находиться в собственном доме.

Скоро передо мной вырастает гора намытой посуды. Я даже успела по-быстрому пожарить котлеты, благо в морозилке они были, и сварить макароны.

Стягиваю с рук перчатки, после того как закончила чистить плиту. Слышу позади тяжелые шаги. Отец. Шатаясь, держится за дверном проем. Глаза налиты красным, лицо одутловатое. Он омерзителен.

– И откуда ты взялась, пропажа? – требовательно спрашивает. – Где шлялась?

– Я пыталась помочь Артёму, а ты что сделал за эти дни? – бросаю справедливый упрек.

– Ну даешь, гуляла где-то, а теперь мне предъявляешь, вот наглая! – фыркает и проходит в кухню, грузно падает на стул. – Деньги есть? Мне похмелиться надо.

– Я за тебя весь дом прибрала, который ты превратил в помойку, вот и предъявляю.

– А что тебе еще делать? Если бы шаталась не пойми где, сразу бы всё убирала. Постепенно. Сама накопила уборки, а на меня наезжаешь. Интересная ты какая, дочь! Я тебя спрашиваю, деньги есть?

– Я спорить не буду, – устало выдыхаю, – но денег на выпивку не дам. Лучше продуктов куплю в дом и Артёму. Хочу передачку собрать. Ты хоть помнишь, что у тебя сын есть? Помнишь, где он?

На глаза наворачиваются слезы, когда представляю брата за решеткой, а оттого, что отец так равнодушен, мне вдвойне обиднее и больнее. Не понимаю, как так можно относиться к собственным детям.

– Ты меня совсем за ирода считаешь?! – хлопает ладонью по столу. – Конечно, я переживаю. Он же мой сын. Но что я могу? Иди купи хоть маленькую, кочан почию, и вместе подумаем, что можно сделать.

– Лучше давай я тебе таблетку дам, – трачу время попусту и торгуюсь с отцом в который раз, но исход всегда один.

Он мне все нервы изматает, но заставит купить ему выпивку. Проще согласиться, чем спорить. Он болен, и я не могу его вылечить. Папа, конечно, бесполезный, но я всё же надеюсь, что он придумает способ вытащить брата. Иногда у него бывают мелкие заработки, порой приходят какие-то знакомые. Вдруг среди них есть тот, который хотя бы подскажет, как нам быть? Всякое бывает. Я готова использовать любой шанс, чтобы спасти брата...

После пары рюмок отец, как он выражается, “поправляет здоровье”, и мы садимся на кухне поговорить об Артёме.

– Так что, пап, ты сможешь его вытащить? Есть какой-то шанс?

– А ты? Скажешь, куда ходила? – смотрит угрюмо.

– Не делай вид, что тебе интересно, – издаю вздох и злюсь. – Так что?

– Что-что, – ворчит, – пара вариантов есть, но пока ничего конкретного. Не думай, что ты одна пытаешься спасти Артёма. Не был бы он таким дураком, сидел бы сейчас рядом с нами, – сетует.

– О чем ты?

– Как о чем? Слишком честный твой брат, не захотел талантом воспользоваться ради денег, всё про искусство болтал, про карму, – закатывает глаза, – много ему дадут теперь искусство и карма? Спасут его? – противно смеется, изматывая мою душу.

Ни за что бы с ним не говорила, если бы не надеялась на спасение брата. Но, кажется, это дело гиблое. Отец просто поводил меня за нос, чтобы сбегала за водкой. Каждый раз, когда поддаюсь на его манипуляции, ощущение такое гадкое, что не описать словами.

Но долго жалеть себя нет времени, мне необходимо поехать в СИЗО и принести брату передачку. Несмотря на жуткую усталость, собираюсь и еду в направлении места его временного содержания. Прохожу через пропускную систему, а Артёма вводят в комнату свиданий.

– Привет, Тём, как ты тут? – несмело улыбаюсь в желании подбодрить брата. – Извини, что не приезжала так долго, я пыталась найти способ тебя вытащить.

– Сонь, тебе лучше сюда не ездить, – брат смотрит меня с улыбкой, а потом его взгляд перемещается за мое плечо, кадык на шее дергается, и больше ничего, кроме этого, не выдает в нем умершую надежду, что отец пришел навестить его вместе со мной.

В этом мы с ним похожи – как дети, продолжаем ждать внимания от равнодушного отца. словно проверяем границы его равнодушия. И каждый раз он удивляет.

– Как не ездить? Я тебе продукты привезла, еще там кое-чего, всё проверили и пропустили.

– Ты в следующий раз лучше привези сигарет.

– Каких сигарет? Ты куришь? Зачем, Тём? Не надо, – от волнения глотаю слова и бегаю глазами по бледному и исхудавшему лицу брата.

– Сонь, не стоит, – морщится, – не надо со мной как с маленьким. Здесь все курят, я не исключение. Закрыли тему.

– Ладно, – смиренно киваю, чуть не плача. Вроде ничего страшного брат не сказал, но мне его жаль до слез. Не хочу, чтобы мальчик с возвышенными идеалами менялся и ломался под такими страшными обстоятельствами.

Я должна его вытащить!

– Ты скоро выйдешь отсюда, – уверяю его, сама не знаю, откуда в моем голосе столько стали, но даже брат замечает это и вскидывает голову. Прищуривается.

– Ты только глупостей никаких не делай и отца не слушай, чтобы он тебя в свои темные делишки не затянул. Поняла

меня? – сжимает мою ладонь своей твердой рукой.

– Хорошо, Тём, я тогда пойду. Приду, как смогу.

Глава 7

От брата возвращаюсь поздней ночью на такси. Отец спит в отключке на диване в большой комнате, повсюду стойкий запах перегара. Ухожу в свою комнату, закрываю дверь и даю волю слезам. Но даже выплакавшись никак не получается уснуть. Ворочаюсь, не в силах перестать строить предположения, проигрывать варианты как вытащить брата. Все они не реалистичные. Бессилие угнетает.

Утром просыпаюсь, иду на кухню готовить завтрак. Отцу обязательно надо поесть, он часто забывает про еду. Но выясняю, что дома я одна. Аппетита нет, делаю себе травяной чай, продолжаю уборку, разбираю ящики, мою холодильник, в котором почти нет продуктов. В морозилке нахожу половину курицу, варю куриный суп. Надо как-нибудь заставить отца поесть, когда вернется.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть. Кто это может быть? По телу пробегает нервная дрожь.

На пороге стоит тот, кого меньше всего хотела видеть. Абашев.

Пришел наказать меня за ложь? Судя по выражению его лица, ничего хорошего ждать не приходится.

– Что ты здесь делаешь? – дергаюсь, в совершенно безотчетном порыве закрыть дверь перед его носом, но сильная рука упирается в дверь и не дает этого сделать.

Мрачно оглядывая меня с ног до головы, Карим интересуется ледяным тоном:

– Ты правда думала, что не приеду спросить тебя? Пришло время обсудить твои фантазии, – кривит лицо, будто говорит о чем-то очень неприятном.

– Хорошо, проходи, – понуро опускаю голову.

Очень радуется, что я не поленилась вчера навести в доме порядок. Иначе было бы дико стыдно за бардак, который устроил отец и его собутыльники. Конечно, смешно стараться, учитывая богатство, в котором живет Карим. Наш быт и рядом не стоял, это небо и земля. Но хотя бы везде чистота, мне от этого легче. Как и то, что отец сейчас отсутствует. Иначе наверняка принялся бы клянчить деньги у Карима, а я бы умирала со стыда.

– Я понимаю, что ты злишься, – виновато смотрю на Абашева. – Извини, что так получилось! Я этого, конечно же, не планировала. Когда шла в твой дом, думала только о том, как помочь брату. Ни о чем другом! Не хотела ставить тебя в неудобное положение, пользоваться гостеприимством.

– Беременность тоже не планировала? От меня? – выгибает бровь Абашев.

Сразу бьет в самое больное место.

– Это просто ужасно! Я вообще не хотела ничего подобного говорить! Мне бы и в голову не пришло! – восклицаю громко. – Валентина сама намекнула, а я лишь... Я не отрицала, – каюсь. – Чтобы она пропустила меня к тебе. Я и подумала,

мать не могла, что это выльется в такое долгое заблуждение. Настоящий снежный ком. Позже, я много раз повторяла Валентине, что не беременна, что случайно ввела ее в заблуждение, просила за это прощения. Только она мне не поверила. Это удивительно, насколько люди способны заблуждаться. Слышать только во что уверовали сами. Я даже просила Валентину купить тест на беременность, чтобы были доказательства, но она отмахнулась, – вздыхаю горько.

– Ясно. Ты ни в чем не виновата. Всё эта дурочка Валентина, – холодный голос Абашева так и сочится сарказмом, что невероятно меня злит. Мне и так плохо, а он еще и издевается. Это что для него, игра такая? Развлечения богатых и великих?

– Нет, я совсем не это сказала! Зачем ты передергиваешь?

– Итак, ты наворотить много чего успела. Теперь пришло время расхлебывать.

– Как? Чего ты от меня хочешь?

– Мои тетки уже покупают распашонки для внука или внучки. Сразу розовые и голубые, вдруг двойня будет. Вот прелесть, да? Уверен, ты сможешь.

– Хватит издеваться! – вспыхив, сжимаю кулаки.

– Хорошо, Софья. Тогда серьезно. Вот что будет дальше. Ты вернешься в мой дом и играешь счастливую невесту. Пусть не через девять месяцев, но, скажем, через десять или одиннадцать ребенок появится на свет.

– Что? Какой ребенок? Ты в своем уме?! – смотрю оша-

лело.

– Абсолютно в своем, Софья. Ты сама это начала. Так уж совпало, что мне сейчас нужна жена. Нужен наследник. Пожалуй, ты не самый плохой вариант на место его матери.

– Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? Бред! Ни за что! Я тебя ненавижу! Ты последний мужчина, на которого я могу посмотреть! Ты жестокий, грубый. Ты швырнул моего брата в тюрьму. После того как ты уничтожил Артёма, смеешь предлагать такое? Иди к Дьяволу!

– Не советую разбрасываться такими словами. Ты же хотела спасти брата? Единственный шанс вытащить Артёма из тюрьмы – это лечь под меня. Это единственное предложение. Другого не будет. Ваше семейство у меня в печенках сидит! Твой мученик брат, которому я помогал, который оказался мошенником. Алкаш папаша. Смазливая дочурка, светящая передо мной своими прелестями. Я еще мягко себя повел, Софья. Ты можешь присоединиться к брату, поняла? Я не звал тебя в свой дом. Ты пришла сама. Устроила цирк, теперь отвечай за всё. Ты сама решила задержаться в моем доме, навешала лапши моим родственникам.

– Найди себе другую дуру, понял! Я никогда не позволю к себе прикоснуться! Никогда! – меня трясет от ярости и ужаса.

Как он посмел мне предложить такое? Родить ребенка от него – всё равно что от... Нет, никакого сравнения не будет достаточно!

– Найти не проблема, – спокойно отвечает Абашев. – Сердце ты мне не разбила своим отказом. Меня волнует лишь то, как объяснить теткам весь этот балаган. Понимаешь, они дамы довольно упертые, как и Валентина. Если что-то вбили себе в голову, потом очень трудно их разубедить. Мне жаль тратить время на это. Поэтому решил, раз уж так сложилось, что ты взяла на себя миссию по вынашиванию моих детей, то неплохо бы притянуть тебя за базар.

– Ты хоть сам слышишь, как это отвратительно звучит?!

– По мне, звучит нормально. Есть суррогатные матери, а ты будешь еще и суррогатной женой, – говорит деловым тоном, словно обычную сделку совершает, а не решает судьбу живого человека.

– Мне жаль тебя! Ты, видимо, не имеешь понятия, что такое настоящие чувства!

– Я хорошо знаю, что купить можно что угодно и кого угодно. Если встречу вдруг свою любовь, то дам тебе хороших отступных, Софья. В любом случае будешь в выигрыше. Станешь хозяйкой своей судьбы. Сможешь уйти от беспросветности своего существования.

– Что ты обо мне знаешь?! Как смеешь судить? Убирайся, – я на последнем издыхании, на грани истерики. Как мне остановить поток этих кошмарных слов?

– Вы все на дне. Тебе требуется помощь. Даже если забьешь на Артёма, ваш дом скоро отберет банк. Твой папаша должен всему городу. Скоро вас будут преследовать кре-

диторы, коллекторы. Поверь, кто-нибудь из них решит, что неплохо бы взять плату твоим юным телом. Я же предлагаю тебе статус моей жены, обеспеченность и свободу твоему брату. Будешь под моей защитой и охраной, а всё, что от тебя потребуется, это пару раз раздвинуть ноги. Хотя, для начала, надо будет провести медицинское обследование. Узнать, пригодна ли ты к материнству или только языком трепать умеешь.

– Ты омерзителен! Конченная мразь! Уходи отсюда! – От стресса, ярости и боли в голове всплывает весь запас матерных слов, которыми пользуется отец, когда сильно пьян. Эти слова не приглушают боль, лишь распалют. Карим прав, я на дне. Сейчас в таком отчаянии, что сама готова схватиться за бутылку.

Абашев уходит, ничуть не показав эмоции, весь такой же отстраненный. Я же падаю на постель, захлебываясь слезами. Плачу долго, терзаясь вопросами, за что нам всё это и почему мужчины так жестоки. Пытаюсь выбросить из головы ужасный разговор, чудовищное предложение стать инкубатором, но ничего не выходит.

Глава 8

Несколько дней безуспешных попыток найти выход, помощь. Обзваниваю друзей и клиентов Артёма. Возможно, мне бы могла помочь Ирма, но они с Юханом укатили в Венесуэлу, на целый месяц. Давно планировали это путешествие, связь с ними крайне редкая, да и чем они помогут, раз находятся так далеко? Или всё же попытаться использовать любую даже самую призрачную возможность? Голова разрывается от мыслей!

Не понимаю что делать, с ума схожу, еще и у отца сильный запой начался. Пришлось вызывать медиков, делать капельницы, сражаться с отцом в состоянии психоза. Я чувствовала, что превращаюсь в придавленную тяготами жизни старуху. Это не жизнь, а медленное сползание в пропасть. Одного желания изменить что-то оказывается недостаточно. Иногда обстоятельства сильнее, и ты чувствуешь себя песчинкой в бескрайнем пространстве. Ничем.

Дни сливаются в один. Передачи, лекарства, быт, поиски денег, работы. К полуночи я буквально падаю на постель и отключаюсь. День за днем непрекращающийся кошмар.

Этой ночью я неожиданно проснулась от кошмара. Потрясла тяжелой головой, не сразу понимая, что происходит. Дрожь по всему телу, ощущение подступающей опасности набатом бьет в виски. Я не обладаю даром предвидения, ни-

чего подобного, но отчего-то сейчас внутри все вопит об опасности.

Дальше всё как в полусне. В нос ударяет запах дыма, от которого сразу же кружится голова. Господи, неужели случилось то, чего я всегда опасалась? Отец забыл потушить окурок и случился пожар? Наш небольшой домик на окраине города совсем старый, вспыхнет и сгорит как щепка!

Быстро перебираю ногами, несусь в сторону источника дыма. Слышится потрескивание из-за входной двери, искусственная кожа на ней скукоживается, и я в ужасе понимаю, что она горит. Горит снаружи!

И вроде понимаю, что попытки выбраться бесполезны, но всё же на инстинктах бросаюсь к двери и хватаюсь за ручку. Она обжигающе горячая. В панике с трудом вспоминаю, что нужно делать в подобных ситуациях. Меня сковывает ужас от мысли что не сможем выбраться. Мы задохнемся от дыма и умрем.

Звать на помощь, пробовать потушить пожар? Что я могу сделать именно сейчас? Кашляя от дыма, заполонившего полдома, торопливо бегу на кухню, хватаю полотенце и смачиваю его холодной водой, бегу обратно в прихожую, но тут же соображаю, что от маленького кухонного полотенца толку нет.

На сушилке как раз висит невысохшее белье, которое я недавно постирала в машинке, стягиваю одним движением несколько сырых полотенец и оказываюсь возле двери. Кое-

как затыкаю щели, чтобы дым не заползал в комнату. Вроде получается. Вдох облегчения исчезает в приступе надсадного кашля. У меня в руках еще одно полотенце, его и прикладываю к лицу.

Так намного лучше, но всё равно дым проникает в легкие, дышать нечем, глаза слезятся.

Я не понимаю, как случился пожар, почему горит дверь снаружи. Думать нет времени, надо срочно звонить пожарным.

– Папа! – зову что есть сил, вспоминая, что он уснул после очередной бутылки беспробудным сном.

По опыту знаю, что его такого никак не разбудить, но я должна, просто обязана, чтобы не случилась беда. Пока бегу до его комнаты, хватаю в руки телефон. Кнопки нажимаю трясушимися пальцами.

– Пожалуйста, помогите, нам кто-то поджег дверь.

Диктую адрес нерасторопному диспетчеру, а добежав до комнаты отца, застаю его лежащим на кровати.

– Папа, папа, ты должен проснуться! – что есть силы толкаю его руками за плечи. – Пожалуйста, папа!

Тщетно. Он лежит без движения. Как мертвый. Меня охватывает паника, всё туже сжимая на шее щупальца страха. Вдруг он надышался дымом? Ни минутки на то, чтобы помыслить разумно. Всё, что подсказывает интуиция, это закрыть дверь в комнату, остаться тут и открыть окно. Но в то же время я знаю, что доступ кислорода усиливает пожар.

Что же делать? Как мне быть?

Быстрее бы приехали пожарные!

Дергаюсь от громкого настойчивого стука в дверь.

– Как вы там? – звучит мужской голос, и от облегчения, что кто-то появился за дверью, да еще и разговаривает, ноги подкашиваются.

Всё заканчивается благополучно. Соседи помогают потушить загоревшуюся дверь, вскоре приезжают и пожарные. Их помощь не требуется, но дом они внимательно осматривают. Отец так и продолжает спать, не отзывается ни на какие мои попытки его растормошить.

– Определенно поджог, – после осмотра оглашает вердикт пожарник. – Дело серьезное. Надо зафиксировать.

– Извините, я не могу сейчас, у меня отец, он... Он не просыпается.

– Так что ж вы молчали?

Краснею под осуждающим взглядом пожарного. Но я и правда растерялась. Гора мокрых полотенец, куча людей во дворе, четыре пожарника в доме, звук сирены за окном. А я еще не пришла в себя от шока, да и легкие будто доверху наполнены дымом.

Это самое страшное событие, которое я переживала в жизни.

– С полотенцами вы правильно сделали, зачет вам, – бросает мне пожарник, идя в сторону комнаты отца. Семеню за ним следом. – Здесь нужна бригада скорой! Отравление про-

дуктами горения!

Из огня да в полымя. Кажется, так говорят. Так я думаю, пока быстро собираюсь, чтобы сопровождать бездыханного отца в машину скорой. Неужели он умер? Мне становится ужасно страшно. И стыдно. Ведь порой в сердцах, в самых своих потаенных мыслях, я желала, чтобы отец исчез из нашей с братом жизни. Он неприятный человек, от него одни беды, и относится он к нам ужасно, но сейчас я отчаянно молю бога, чтобы отец выжил. Пусть он живет!

– Дыма наглотался сильно, – констатирует врач, спускаясь в приемный покой, где я сидела как на иголках, пока отца увезли на каталке на лифте. – Но жить будет. Вы дочь? Привезете недостающие документы и необходимые вещи. Так, а сама что? – переходит на “ты”, глядя мне в глаза и доставая фонарик. Луч света бьет в глаза. – Маша, девушку чего не осмотрели? Чем вы тут занимаетесь? Идите в смотровую, – строго говорит мне, – не стоит геройствовать. Если что, положим вас в стационар.

– Нет, я не могу здесь остаться, дома после пожара полный кавардак, мне прибираться нужно, понять, что с дверью, а то ведь вынесут всё, пока мы с отцом в больнице лежим, плюс у меня брат...

Останавливаю бессвязный лепет, срывающийся с губ. Доктору это всё неинтересно, он только о здоровье пациентов заботится, а что находится за пределами больницы, не его забота. Глаза за стеклами очков явно выражают нетерпе-

ние.

– Простите, мне правда нужно идти. Я себя хорошо чувствую, правда. Сразу прижала ко рту влажное полотенце, не дышала дымом, да и некому документы привезти для отца, вещи... – опять болтаю, не в силах унять тревожность.

– Ладно, ваше право, тогда пройдемте, напишите отказ от госпитализации, – ворчит, – но, если какие-то симптомы появятся, сразу же звоните в скорую. Это вам не шутки. Если голова будет кружиться или болеть, тошнота, рвота, шум в ушах, одышка или кашель, то не ждите, пока сознание потеряете. Ясно?

Глава 9

Из больницы выхожу с зажатыми в руках документами, жадно глотая свежий воздух. От усталости тянет куда-то присесть, но надо идти домой. Действительно, нужно разобраться с последствиями пожара, навести маломальский порядок. Лучше бодрствовать, чтобы проследить за симптомами. Я себе не враг. Я жить должна – хотя бы рада брата. Не теряю надежды вытащить его из тюрьмы, хотя не имею представления, как это сделать.

Как мне быть? К кому обратиться? Пока отец в больнице, можно попробовать покопаться в его комнате, поискать какие-то старые записные книжки с контактами знакомых. Вдруг среди них есть влиятельные люди, готовые помочь?

Страх пеленает в свои объятия, когда вхожу в квартиру через незакрытую обгорелую дверь. Она мокрая, но я не знаю, как ее высушить и получится ли вообще. По сути, надо заменить, но откуда взять денег? От множества вопросов гудит в голове.

Вхожу в коридор, и глазам предстает неприглядная картина. Все вещи остались там же, где их бросили. Что поделаться, принимаюсь за уборку... Быструю, потому что нужно еще к отцу ехать, отвезти ему вещи первой необходимости и документы. С дверью решаю ничего пока не делать, просто прикрываю, плотно вжимая в косяк. Замок заклинило, и чинить

его я не умею. Пусть...

Не успела я собрать и малую часть одежды для отца, как послышались шаги за дверью. Ледяной страх сжимает горло. Что если вернулся поджигатель, завершить начатое?

Может быть, стоит вызвать полицию? Надо было сразу обратиться за помощью, но они не предложили, хотя допрашивали долго, выпытывая кого подозреваю, есть ли у нас с отцом враги...

А ведь Абашев предупреждал, что всё кончится плохо, придут коллекторы, кредиторы и прочие желающие покарать отца за его грязные махинации. Так-то, папа, хотел ты весь мир обмануть и считал себя самым умным, а в итоге ты теперь в больнице, сын твой в тюрьме, а я...

От испуга я даже бритву отца из рук роняю, и она шлепается о кафель в ванной. Выдает с головой место, где я прячусь. Тяжелые шаги раздаются все ближе. От ужаса липкий пот стремительно бежит по позвоночнику, меня шатает от страха, усталости и стресса. Начинаю метаться по тесной ванной, закрываюсь на щеколду, хоть и понимаю, что это бесполезное занятие.

Дверь затряслась и задрожала, кто-то начал дергать ее на себя.

– Кто там? – испуганно пишу, всё еще надеясь, что там полиция или соседи.

Вот я дура, надо было пересилить себя и заняться починкой двери.

– Открывай! – гаркает грубый голос, от которого у меня душа уходит в пятки.

– Кто вы? Что вам надо?!

– Открывай, я сказал! – басит мужчина и барабанит в дверь, а потом просто дергает ее на себя и вырывает с мясом, вытаскивает меня из ванной и толкает идти по узкому коридору по направлению к кухне.

От ужаса еле-еледвигаю ногами, на табуретку буквально падаю, тарашусь на двух огромных мужчин в черных футболках и камуфляжных штанах. На их суровых лицах ни единого проблеска доброты и сострадания. Сожмут и раздавят, как жалкую букашку.

– Кто вы? – сиплю.

– Долги отдавать когда будешь? – жестким голосом спрашивает лысый громила с пудовыми кулаками.

– Долги? Какие долги?

– Дурочку из себя не строй. Батя твой где?

– Он в больнице, дымом надышался, это вы дверь подожгли? – неосмотрительно задаю вопрос, который приводит лысого в ярость.

– Дверь? – ревет он, подтаскивая меня к себе за футболку, в которой я ходила по дому. Держит легко, как пушинку. Зловонное дыхание заставляет меня зажмуриться. – Да скажи спасибо, что мы тут всё не сожгли к хренам!

– Отец в больнице, это правда, я тут одна, я не знаю ни про какие долги, у меня нет денег, нет... Пожалуйста, отпу-

стите, – умоляю бандита, который, поморщившись, отшвыривает меня от себя. С усмешкой оборачивается к своему напарнику, тот ходит по кухне и зачем-то заглядывает во все имеющиеся коробки и банки в ящиках и на полках. Деньги ищет? Но там ничего нет. Или я о них не знаю.

– Вот так всегда, – возмущается себе под нос, – одна и та же песня каждый раз. Денег нет, денег нет, а у самих всегда есть, да, девочка? – со злым прищуром смотрит на меня. – А если нет денег, есть что-то другое, верно?

– Другое? – недоумеваю, прилипая к стене и обнимая себя руками. Мельком гляжу на выход, но мой взгляд тут же замечают.

– Сбежать вздумала, дурная? Сядь и давай вспоминай, где твой батя деньги прячет!

– Я не знаю, ну как вам объяснить? Я вообще отсутствовала, недавно вернулась, нет у меня ни денег, ничего. Я не отвечаю за отца, и деньгами он со мной не делится, даже если они у него есть.

Тупо наблюдаю, как амбал громит кухню, с мясом вырывая ящики и кидая их на пол. От грохота вжимаюсь в табуретку, на которую снова села. Ноги не держат. От дрожи меня начинает колошматить, зуб на зуб не попадает. За что мне это всё? Ну за что?

– Мы ведь весь дом выпотрошим, но бабло найдем, а потом за тебя примемся. Вдруг ты их где припрятала! – ржет ужасным, скрежещущим по нервам смехом тот, что вытащил

меня из ванной. – Поищем в укромных местах.

Холодный страх парализует меня напрочь, отключает разум. Всё, что я вижу, это нож. Выпавший из ящичка нож возле моих ног. Много ли я могу сделать с кухонным ножичком против двух мощных бандитов? Не знаю. Но мной движет инстинкт самосохранения. Я должна попробовать! Хотя бы попытаться!

Но я не успеваю даже метнуться к оружию, не то что использовать, бандит предвосхищает мое действие и одним движением руки хватает меня за шкуру. Встряхивает, как беспомощного котенка.

– Ты посмотри, какая шустрая и глупая девчонка, – скалится мне в лицо, – говорят, брат ее на зоне тоже кочевряжился, когда его жизни учили. Сразу видно, родственнички, – швыряет меня на пол, а второй нажимает ногой на нож.

Они стоят сверху и глумятся надо мной, обзор мне закрывают жгучие слезы, брызнувшие из глаз. Знаю, они не помогут, не разжалобят этих животных, им всё нипочем, но я не могу остановиться.

– Что с моим братом? – спрашиваю без особой надежды услышать ответ.

Громила приседает на корточки, обманчиво ласковым голосом отвечает:

– Почикали его немного, чтобы посговорчивее был. Не хочет зарабатывать, как все честные люди, сдавать деньги в общак и долг отрабатывать. Расслабился Артёмка на тюремных

харчах. Порядки не понял, так ему разъяснили. Не переживай, – видя ужас в моих глазах, дополняет свой страшный рассказ: – Жив он. Пока. Если будет слушаться, даже пальцы ломать не станут, он вроде малюет неплохо, а пахан местный мазню любит. Да что ты дрожишь, дура? Каждый служит по назначению. У твоего брата талант, а у тебя несколько дырок! – хохочет, довольный своей шуткой.

Второй нетерпеливо подгоняет его:

– Сколько мы тут возиться будем? У нас еще пять точек сегодня. Работой завалили – не продохнешь.

– Так-то ж работа, а тут приятное с полезным, – бормочет бандит, – девочка смотри какая ладная. Свеженькая. Так, детка?

– Что? – как дура хлопаю глазами, не в силах понять, куда потекла беседа.

Я еще не отошла от новости, что на моего брата напали в тюрьме из-за долгов отца и он пишет картины для какого-то местного главара, как меня немедленно вернули в реальность гадкие улыбки и скабрзные намеки. Неужели они хотят...

– Да не бойся ты, совсем мозги работать перестали от страха. У тебя выпить есть? Пожрать? Давайте посидим как приличные люди, ты посговорчивее станешь, – протягивает руку и лапает грудь, за что получает шлепок по крупной ладони, и тут же меня поднимают вверх, заставляя глядеть в глаза и перебирать ногами в воздухе. – А я ведь хотел по-

хорошему, вижу же, что неопытная, а ты всё никак не поймешь, кто тут главный, – цедит сквозь зубы, сминая руками мою грудь.

Ужасно больно и противно, я сжимаюсь от первобытного ужаса и покрываюсь липким потом. Дышать не могу. Думать. Я бессильна перед этими мужчинами, которые сейчас меня изнасилуют. На задворках сознания мелькает идея, как можно попытаться спастись. Безумная, отчаянная, но я не вижу иного выхода.

– Пожалуйста, подождите, пожалуйста, – хрипло умоляю.

– Опять ждать? Что, всё надеешься, что не придется платить по счетам? Ждешь добрую фею с крылышками и волшебной палочкой?

– Нет, за меня могут заплатить. Мой жених. У него есть деньги, много денег. Он очень влиятельный человек. Я скоро выйду за него замуж, мы уже день свадьбы назначили. Карим Абашев, он...

Глава 10

Замолкаю, потому что в глазах обоих бандитов рождается испуг. Сама не верю тому, что вижу, но они мгновенно меняются в лицах. Меня отпускают, смотрят теперь другим взглядом, хоть и с ноткой недоверия. Веселость исчезает напроочь.

Неужели я смогла до них достучаться? Неужели Абашев могущественнее всех этих людей, которые выбивают из нашей семьи долги с помощью коллекторов?

– Абашев? Ты уверена?

– Зачем мне врать? – чуть не плачу. – Я же говорила, что недавно приехала, а так я у него жила, сюда вернулась за вещами, потом случился пожар, я задержалась, но скоро свадьба. Правда! Вы же можете ему позвонить, проверить. Назовите мое имя.

Переглядываются. Видимо, они знают Абашева, потому такая реакция. И знают, что невесту такого опасного человека лучше не трогать. Замираю в ожидании, молясь всем богам, чтобы они всё же позвонили Кариму. И чтобы он откликнулся и спас меня.

– Ладно, твоя взяла, – кивает лысый бандит и морщится, – что за жизнь? Столько времени на тебя потеряли, а тебя и трогать нельзя!

– Так вы позвоните Кариму? – немного вылезаю из своей

трусливой оболочки, примеряя на себя роль невесты влиятельного человека. – Если сделаете это быстро, я даже могу не рассказывать, что вы тут со мной делали.

Мужчина оценивающе прищуривается, но никак не комментирует мои слова. Они оба уходят из коридора и кому-то звонят. Я не слышу ничего. Не разбираю ни звука. В голове непрекращающийся гул, словно кто-то включил пылесос и заодно забил мне ватой уши. Обнимаю себя руками и плююсь в пол. Везде снова бардак. Гораздо хуже, чем раньше. Но я точно знаю, что больше не прикаснусь к уборке.

В этом доме мне небезопасно, здесь мне нельзя оставаться. Папа довел нас с братом до предела, его грязные делишки привели нас к катастрофе. Я не знаю, чем всё это закончится, но именно в эту минуту я заливаюсь слезами и рисую в голове страшные сценарии – один хуже другого...

– В общем, так...

Вздрагиваю, понимая, что мужчины вернулись в кухню. От них разит решимостью и собранностью. Что они будут делать?

– Можешь быть свободна. В следующий раз сразу называй имя покровителя. У нас оплата не почасовая, заплатят за количество адресов. А ты времени нам потратила уйму. Эх, бедовая, живи пока, смотри хорошо отблагодари Абашева, тебе повезло с женихом.

Громкие шаги, хлопок двери, и меня оставляют одну.

Что теперь? Мне самой позвонить Абашеву? Поблагода-

ритель? Что они ему сказали и что он ответил? Я с ума сойду от стыда, когда придется держать перед ним ответ. Пусть сейчас я спаслась от насилия, причиненного двумя страшными бандитами, впереди меня будет ждать расплата в постели Абашева. Думать об этом невыносимо, не помогает уверенность, что выбора не было. Возвращается липкий стыд, отращение. Я продала себя. Продала!

Ведь он сразу мне дал четкий расклад, что я должна для него сделать, и вряд ли он оступится. Нет, я не смогу, не смогу взять и позвонить ему. От напряжения меня разбирает истерический смех. Так и с ума сойти недолго. Надо как-то взять себя в руки, умыться, позвонить в СИЗО. Мне нужно немедленно знать, что сделали с Артёмом! Его Абашев должен тоже защитить, если я пойду на его условия.

А вдруг они станут другими? Вдруг он потребует от меня чего-то похуже? Впрочем, что может быть хуже, чем лечь в постель с тем, кого презираешь, и стать инкубатором для его ребенка?

Дрожащей рукой беру телефон и набираю номер Абашева. Ведь перед смертью не надышишься. Куда мне тянуть? Может быть, я не доживу до завтрашнего дня, если не пойду на его условия. Или мой брат...

Звучат гудки. Они иглами колют мне прямо в мозг. Напряжение запредельное.

– Да? – слышу на том конце стальной голос Карима и тут же кидаюсь в омут с головой.

– Я согласна.

– Кто это?

В смысле? Язык тут же прилипает к нёбу, а в голове сумбур. Но не успеваю среагировать, как звучит грубоватый смех в трубке.

– Расслабься, Софья. Я тебя узнал. Что ты хотела? Передумала? – его голос звучит так, словно он ни капли не сомневался в этом исходе. Ненависть к нему вспыхивает с новой силой. Как же я смогу? Как выполню то, что сейчас должна пообещать?

– Я согласна стать вашей женой в обмен на защиту, – выдавливаю из себя, сцепив зубы.

– Интересно, – медленно тянет звуки, – и с чего ты вдруг переменяла мнение?

– Мне сказали, что брат ранен! Вы должны ему помочь, и немедленно! Или... вы это и без меня знаете, – добавляю сдавленно. Силы покидают меня. Рассказать про визит бандитов не хватает уже решимости. Артем важнее. Его жизнь в опасности!

– Собирайся, за тобой приедет водитель.

– В доме сломана дверь, я не могу так всё оставить, – господи, что я несу? О чем беспокоюсь? Это уже видимо нервное. Теряю разум, цепляясь за мелочи, в попытке хоть немного отстрочить расплату.

– Почему дверь сломана? – безразлично интересуется Карим.

– Здесь были бандиты, – подавляю нервный смехок. – Надеюсь, это не вы их прислали.

Короткое ругательство. Не понятно, на кого злится Карим. На меня, на ситуацию, на бандитов?

– Починят твою дверь, никто не попадет в ваш жалкий домишко, если ты так об этом переживаешь. Водителя я уже отправил, жди.

– Мне нужно собрать вещи...

– Тебе вряд ли они понадобятся.

– Почему? – почти выкрикиваю нервно.

– Софья, успокойся. Я уже думаю, что надо бы и врача прислать. Ты в порядке?

От того что мой враг проявил сочувствие, пусть и минимальное, глаза начинает жечь от слез.

– Со мной все нормально. Главное узнать, как Артем. Умоляю... Я только ради него согласилась.

– Я уже понял, как важен тебе статус мученицы, – перебивает резко. Я уже дал распоряжение, в СИЗО едет адвокат. Собери минимум самого необходимого, водитель будет через двадцать минут. Отвезет тебя в мою квартиру в центре. Я приеду, когда освобожусь.

Что на это ответить? Да, хозяин. Я буду ждать, терпеливо и покорно? Но я совсем не такая!

– Тебе обязательно меня постоянно унижать и подчеркивать, какая моя жизнь жалкая по сравнению с твоей?! – вырывается у меня. Даже на «ты» внезапно перехожу, хотя

предпочитаю держать дистанцию с Абашевым.

– Упаси боже унижать тебя, мне это неинтересно, – в тон отвечает Карим. – Я просто говорю, как есть. Хочешь поспорить и потратить мое время?

– Значит, ты будешь указывать мне, что говорить, а что – нет? Я думала, что стану женой, а не рабыней!

– Молодец. Верно уловила. Я буду говорить, как вести себя моей жене. Дерзить мне точно не смей. Это ясно? Иначе никакого договора не будет. Ты и так тянула слишком долго.

Карим отбивается, телефон едва не выскальзывает из моих рук, а я даю наконец волю слезам. Их очень много, меня накрывает сильная истерика. Только за пару минут до приезда водителя успеваю чуть прийти в себя, умыться. Вещи собрать не успеваю. Ношусь по дому, осознавая, что Карим прав. Красть у нас нечего, так что мое замечание по поводу неисправной двери было более чем глупым. Отец продал все ценное, что было. Особенно когда Артема забрали.

Бросаю в сумку несколько платьев, белье, косметические принадлежности, старенький ноутбук, пару книг. Все очень хаотично. Фотоальбом, где еще можно увидеть другую семью. Счастливую. Любящую.

Не знаю зачем беру его. Словно сюда уже не вернусь. Я ведь не в рабство продаюсь, это все временно. Да, мне придется сделать то, что противоречит моим убеждениям. Но это не означает клеймо на всю жизнь, не так ли?

Не знаю, может быть успокаиваю саму себя.

Пока собираюсь, водитель Була решает вопрос с дверью, вызывает бригаду, очень быстро привозят новую, очень красивую и добротную дверь. Она будет глупо смотреться на нашей халупе, думаю с грустью.

Через полтора часа, оставив рабочих заниматься установкой, мы с водителем Карима уезжаем. Неразговорчивый громила буркает, что новые ключи передаст мне завтра утром.

Я благодарю рассеянно, думая о том, что отца еще как минимум неделю собираются продержать в больнице, но он ведь и сбежать может, и не попадет в дом.

– Хорошо, решим, – кивает Була.

– Каким образом?

– Твоему папаше лечиться давно пора, от алкоголизма.

– Мы давно пытались, но ничего не получается, – вздыхаю.

– Я знаю место, где получится.

– Не понимаю... Это вам зачем?

– Чище город будет. Ты же за решение проблем продавалась? – холодно бросает водитель. – Это твоя проблема. Ее решат. Папаша придет в норму. Так что не парься, что домой не попадет. Он как минимум два месяца будет в клинике. Сейчас отвезу тебя, им займусь.

– Он не поймет... Не захочет.

– Он либо пройдет лечение, либо сдохнет от своей пагубной привычки. Ты же сама это понимаешь.

Ничего не отвечаю. Может и правда все к лучшему? Прав-

да расплата мне предстоит жестокая. Лечь под нелюбимого мужчину.

Даже в этом есть доля лицемерия. Потому что год назад я была очарована Каримом. Влюблена. Тайно.

Глава 11

Стыдно вспоминать о своих глупых наивных фантазиях. Карим был знаком с моим братом давно, иногда заезжал к нему. Я смотрела тогда на высокого темноволосого мужчину, всегда дорого и стильно одетого, как на прекрасного принца. Совсем девчонкой была, вот и бродил в голове романтические мысли. Глупые и наивные.

Конечно, я не ждала что он обратит на меня внимание. Не верила в это, но перед сном иногда мечтала о поцелуях с ним. Сколько мне тогда было? Пятнадцать? Шестнадцать? Потом, однажды, спустя годы, брат попросил меня сопровождать вернувшегося после долгого отсутствия Карима, в галерею. Это было настолько неожиданно для меня. Тот вечер стал балом Золушки. Я нарядилась, под руку с Каримом Абашевым вышла из дорогой машины, чтобы посетить выставку работ моего брата. Меня приняли очень хорошо, ведь я часто бывала в этом месте, подрабатывала там, помогала брату. Ирма, хозяйка галереи, очень хорошо ко мне относилась. Очень любила моего брата. Сейчас те счастливые времена вспоминать очень больно. Карим вёл себя со мной подчёркнуто вежливо, делал комплименты, я ужасно смущалась. Дальше не последовало никаких больше встреч. Я ждала поначалу, потом сказала себе, что полная дура. Что у нас может быть общего? Мы вращаемся в слишком разных кру-

гах. И вот, спустя год после того события, Карим становится палачом для моего брата. А меня покупает, как вещь. Да, все проблемы принёс в нашу семью прежде всего отец. Он виноват во всех несчастьях. Я это понимаю и не делаю из Карима исчадие зла. И всё-таки, он человек, который уничтожает мою личность.

Сейчас часть меня, наивно и глупо верит, что он должен бескорыстно помочь, а не требовать платы, тем более, такой жестокой. Я хотела от него романтики, нежности, а не грубых приказов.

Как это будет между нами? Механически? Жестоко?

Нет, лучше не думать об этом, иначе я сойду с ума!

Машина притормаживает возле элитного комплекса многоэтажек. Охраняемая территория, высотные дома, будто бы сделанные из стекла, море огней, шикарные автомобили. Захватывает дух. Я бы и ахнула от восторга, если бы не смотрела сейчас на свою будущую тюрьму.

– Это городская квартира Карима Исхановича, – поясняет зачем-то Була, даже не утруждаясь повернуться ко мне, предоставляя пялиться на его бычью шею, – недалеко его офис.

Киваю в ответ, благодаря за ненужную информацию. Мне она ничего не дает, но врожденная вежливость диктует сохранять нормы поведения даже с врагами.

Водитель выбирается со своего места и направляется к ба-

гажнику, чтобы забрать мои вещи. Выбираюсь наружу вслед за ним. Стою возле машины, сиротливо сложив перед собой руки. Зябко. Но не от холода, а от внутренней дрожи, которая меня не покидает. Я столько плакала, что чувствую себя болезненной, а кожа на лице противно натягивается.

Була поторапливает меня, по дороге молчит, словно он немой.

Осматриваюсь в квартире, которую он открывает ключом. Пропускает меня внутрь и уходит не прощаясь. Как бездушная машина, а не человек.

Продолжаю осмотр, расхаживая по апартаментам Абашева. Они похожи на роскошный номер-люкс в каком-нибудь престижном отеле. Здесь несколько комнат, большая кухня, круглой формы холл – места очень много. Шикарная отделка, интерьер в темных тонах явно от самого крутого дизайнера. Дизайн лаконичный, мужской, это явно квартира холостяка или бизнесмена. Всё очень современное, стильное.

Захожу в одну из комнат и столбенею. Широкая кровать под черным покрывалом навеивает ужасные мысли о том, что мне предстоит пережить.

Интересно, многих своих женщин Карим приводил сюда? Это любовное гнездышко для встреч с его пассиями? А что, удобно. В перерывах он может приезжать сюда из офиса, делать свои дела и возвращаться на работу.

Дела...

Какое абстрактное и нелепое слово, обозначающее то, что

со мной сотворит этот мерзавец. Выскакиваю из спальни как ужаленная, отчаянно пытаюсь взять себя в руки.

Направляюсь дальше по коридору. Начинаю рассматривать абстрактные картины. Вот они здесь точно не дизайнером повешены. Абашев и правда интересуется искусством и повесил каждую картину в доме явно не просто так.

Прячу в себе нелепое желание расспросить о них в подробностях. Я не знаю, как мы будем с ним общаться, но я уверена, что не могу перебороть в себе отвращение к этому ужасному человеку. Он циничный мерзавец, который без зазрения совести воспользоваться бедственным положением моей семьи, чтобы вынудить меня согласиться на его мерзкое предложение.

Меня передергивает от ярости и ненависти, в крови бушует злоба на него. На жизнь. На обстоятельства. Но сейчас я подавляю в себе всё это. Надо успокоиться. Подумать, как четко сформулировать мои требования. Это соглашение должно быть взаимовыгодным. Карим может и обмануть меня – использовать в своих целях и никак не помочь моему брату. А Тёмка без меня не справится в тюрьме...

Звонок в дверь переливчатым звуком разносится по всей квартире. Кто это? Испуганно замираю. Неужели Абашев? Но у него же явно есть ключ.

– Кто там? – спрашиваю. Как глупо... Веду себя как ребенок, которого оставили дома и сказали не открывать никому чужому.

– Это Регина, помощница Карима Исхановича, откройте, пожалуйста, – слышу вежливый, хорошо поставленный голос, словно говорит учительница.

– Здравствуйте, проходите.

Впускаю в квартиру женщину с двумя сумками в руках. Высокая, стройная блондинка с каре и в очках, в бежевом брючном костюме. Деловито входит в дом и сразу же направляется на кухню. Очевидно, что она была здесь не раз.

– Я помощница Карима Исхановича по хозяйству, меня зовут Регина, – еще раз представляется, протягивает холеную руку с кольцами, – он попросил принести вам продукты. По бытовым вопросам вы можете обращаться ко мне. Телефон – на холодильнике.

Наблюдаю, как она методично выкладывает продукты из больших квадратных сумок на молнии. Несколько контейнеров, упаковок, хлеб, сыры, нарезки, овощи, чего тут только нет. Забывает весь холодильник доверху, начиная мне объяснять, что к чему.

Внимательно слушаю, благодарная этой женщине за то, что она меня отвлекает. А еще за то, что она ведет себя вежливо и по-деловому, ничуть не вторгаясь в личное пространство и не отвешивая неуместных комментариев. Она просто делает свое дело, для которого ее наняли.

– Подождете минут пятнадцать? Я накрою на стол, – говорит под конец своего монолога.

– Накроете? Да не надо, я сама...

– Карим Исханович дал четкие указания, чтобы я занималась кухней, – твердо говорит Регина, и я киваю, решив пойти в ванную и умыться.

Значит, Карим Исханович дал четкие указания? Кажется, Абашеву нравится приказывать и держать под контролем все аспекты своей жизни. Он не упустит и крупички этого контроля. Раздражение нарастает во мне, смешиваясь внутри вместе с нервозностью в жуткий коктейль. Руки даже дрожат, до такой степени я перенервничала и устала.

Вожусь в ванной даже больше пятнадцати минут, поэтому, когда вхожу в кухню, Регине приходится заново подогреть мне жаркое с картошкой. Я вроде бы не хотела есть, но, как только чувствую аромат пищи, желудок реагирует соответствующе.

– Спасибо большое, – улыбаюсь Регине, присаживаясь на самый краешек стула.

Мне будто кажется, что если я буду осторожничать, то получится пройти по краю жизни Абашева и он меня не заденет. Но так только кажется. Уверена, что этот мерзавец проедет по мне бульдозером, истерзав тело, разворотив нутро, не оставляя за собой ничего, кроме пустой оболочки без чувств и эмоций.

Глава 12

Регина уходит, снова остаюсь в одиночестве. Мое состояние ухудшается с каждой секундой. Рой мыслей. Паника. Страх за жизнь и здоровье брата выжигают в сердце дыру.

Что если Карим обманет, не поможет брату?! Я не могу ему доверять!

Конечно же, есть и переживания по поводу нашего «договора».

Сердце разрывается от страха перед предстоящей ночью. Пытаюсь напомнить себе, что

я сильная девочка. Со всем могу справиться. Давно привыкла решать свои проблемы самостоятельно, и не только свои. Но почему же тогда так отчаянно хочется позволить себе слабость забиться под одеяло и зареветь в голос.

Такой меня обнаружит в своей холостяцкой квартире Абашев? Жалкой, испуганной...

Нет! Не дождется!

Звук поворачивающегося в замочной скважине ключа царапает нервы. Я успела принять душ, надела новый комплект белья, платье. Сидела в гостиной, пялясь в телевизор, который показывал какой-то трогательный сериал. Мне бы куда больше по настроению подошел фильм ужасов, но даже щелкать каналы не было сил.

Вымытые и высушенные волосы я оставила пышной коп-

ной рассыпанными по плечам.

В горле пересохло.

Поднимаюсь с дивана, встречаю Абашева, вытянувшись по струнке как на детской линейке.

– Добрый вечер, – произношу вежливо.

– Здравствуй, Софья, – его голос звучит низко. Мои рецепторы трепещут, реагируя на каждый отголосок.

Не представляю, что делать дальше. Подойти? Чтобы потрепал как верную собачку по загривку, мрачно иронизирую мысленно.

Слегка кружится голова. То ли от паники, то ли от аромата, наполнившего легкие. Уникальный, ни на что не похожий. Сочетание аромата кожи и терпкого грейпфрута. Одним своим присутствием Абашев словно сдернул с меня столь трепетно выстроенную защиту, оставив мои нервы оголенными и беззащитными.

Заставляю себя выдержать его взгляд, не отвести глаза. Рассматриваю его красивые черты: тяжелый подбородок, подчеркнутый тенью однодневной щетины, четкие скулы, упрямые густые брови. Старый шрам над левой бровью придает Абашеву еще более опасный и диковатый вид.

– Итак, ты здесь.

– Это сюрприз? – не могу не поддеть горько.

– Я не был уверен, – спокойно отвечает Карим.

Кажется, он не настроен на пикировку. Чтож, это понятно.

Он и так победил в нашем противостоянии.

– У меня не было выбора, вам это прекрасно известно.

– Я больше не хочу слышать выканье, Софья, – перебивает резко. – Напоминаю условия. Брак будет официальным. Тебе придется снова общаться с моими родственниками. Играть роль счастливой невесты. Притворяться, что влюблена. Впрочем, я не собираюсь делать тебя несчастной. Все будет зависеть от твоего подхода и отношения. Пока, как я вижу, ты наслаждаешься ролью жертвы. Жалеешь себя.

– Я не просила психологический разбор своего состояния, – бормочу себе под нос. – Пойду накрою на стол. Регина очень много привезла продуктов.

Но Абашев в два шага оказывается возле меня. Останавливает за руку.

– Ты голодна?

– Нет!

– Я тоже. Был ужин с партнерами.

– Я... тогда пойду... Поставлю чайник.

– Тебе не кажется, что бежать некуда? – спрашивает с легкой насмешкой. Протягивает руку, проводит кончиками пальцев по моей щеке. Вздрагиваю всем телом.

– Я не насильник, Софья. Ты можешь отказаться. Була прямо сейчас отвезет тебя обратно, – Абашеву явно не понравилась моя реакция. Он разозлился.

– Нет! Я же сказала...

– Сказала что?

Пауза. Самая невыносимая из возможных. Пытка продолжается. Он хочет озвучить все до конца. До полного моего унижения.

– Я... На все согласна, – выдавливаю шепотом.

– На что именно? – продолжает настаивать. – Хочу, чтобы ты уточнила

О да, не приходится сомневаться – ему нужно максимально полностью растоптать мои чувства! Чтобы не осталось и ошметков гордости. Как же сильно желание стереть ухмылку с ненавистной физиономии!

Отворачиваюсь, но жесткие пальцы стискивают мой подбородок, вздернув голову вверх, принуждая смотреть в глаза.

– У меня не так много времени, Софья. Брак и наследник нужны для партнерства. В которое меня только женатым возьмут. Глупое условие, но я смирился. Так что, раз у меня вышло, ты тоже сможешь. Плохая новость в том, что ждать, пока ты договоришься со своими убеждениями и совестью, я не намерен. Не могу себе этого позволить. Хотя и у тебя нет времени, не так ли? Ты же хочешь, чтобы Артем вышел как можно скорее на свободу.

– Я уже сказала, что сделаю... что ты захочешь, – облизываю пересохшие губы. Отстраняюсь от его руки, делаю шаг назад. – Только помоги моей семье. Моему брату. Була сказал, что папу отправят в клинику...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.